

ПИСЬМО КИРИЛЛА ФЛОРЕНСКОГО ВЕРЕ ТАРАСОВОЙ 12/VII-78 Г.

Дорогая Вера!

Мы с тобой не кончили разговор.

Добро и Зло не так просто разложить по полочкам. Зло не ходит с открытым забралом и крайне редко (может быть никогда!) нельзя встретить человека, который бы делал сознательное Зло, не думая, что оно является средством для достижения Добра. Гораздо чаще Зло выражается в «нейтралитете», «лени» ума и чувства — в безразличии, ибо путь к Добру — тяжел, как всякий путь вверх, как созидательная борьба с энтропией. Стоять на месте нельзя и при этом ты опускаешься вниз, хочешь ты этого или не хочешь.

Люди Добро перелепят в Зло, если потеряно чувство меры. Может быть, это нагляднее всего показано у Шарля де Костера в «Тиле Уленшпигеле». Там ясно сказано, как семь смертных грехов соответствуют семи добродетелям, если умерить их. Жадность становится бережливостью, чревоугодие превращается в здоровый аппетит, сладострастие — в любовь, чванство — в благородную гордость и т. д.

Ты говоришь об «уничтожении гена» воинственности. Но ведь генетический код (как сейчас говорят) — это не выдумка и не порождение эпохи, а результат всей эволюции, которая шла в течение более чем трех миллиардов лет. Каждая клеточка тела несет весь груз этого пути и нельзя его отбросить. Он есть.

Уничтожение воинственности, агрессивности, а не **перевоспитание** этого свойства (чувства) означает превращение человека в беспомощное существо, не способное противостоять натиску внешних обстоятельств.

Представь себе, что человек **не сможет** видеть или пролить человеческую кровь. Это означает полностью конец хирургии, смерть от укола пальца.

Очевидно, выход один — не уничтожать этого свойства, а заставить служить его на благо. На современном языке это означает — понять исторический процесс и способствовать прогрессивному. На более емком

религиозном языке — понять волю Божию и не противопоставлять себя ей, а стремиться с ней смириться. И самое опасное здесь — считать себя умнее, чем Бог, и сделать по-своему («так лучше!»), не считаясь я объективным процессом, который может быть и сложен и непонятен. И второе следствие самого важного смертного греха — гордыни, думать, что «цель оправдывает средства», т. е. делать так, как хочется тебе, не считаясь с обстоятельствами, волею других и ходом истории, т. е. всем тем, что и формирует волю Божию на религиозном языке. Не зная будущего, в каждый отдельный момент надо стремиться выделить максимум Добра — вероятно это единственный путь.

Только Добро это не есть слабовольное потакание слабости ближнего, тогда оно также превращается в Зло, надевшее личину. Это очень обычно — ханжество, лицемерие заменяет истинную религиозность. Последнюю я понимаю как веру в целесообразность Мира, в возможность победы Добра, не бесцельность всего Сущего.

Вера ведь тоже очень сложное чувство. Оно приливает и отликает. Если быть вполне чистым перед собою, то можно смело сказать «я знаю», но сказать «я верю» можно далеко не всегда. Вера невозможна без сомнений, колебаний, также как любовь невозможна без ревности. (Ревность не значит сомнение в верности, недоверие. Скорее это страдание от недостатка, когда огорчает, причиняет боль всякая неполнота.)

Ощущение полноты веры, как и любви, это почти экстаз, это редкая полнота души.

Поэтому чувства, «гены» нельзя «уничтожать», их надо культивировать, выращивать, не давая разрастись вкривь и вкось. Ведь «культивировать» от слова «культура», «культ» — т. е. привести в соответствие с тем, чему ты поклоняешься, к чему стремишься.

Ну ладно, об этом можно говорить без конца... Чувствую, что пора выбираться из больницы: сейчас уже тяготит все, начиная с лекарств и кончая режимом.

Привет Ольге Петровне, желаю счастья тебе. Постараемся встретиться, когда я буду в Москве.

Твой Кирилл

12.07.78 г.

Вот и Петров день. Середина лета. Именины отца. Заметное сокращение дня. Умолкают птицы...

К.